

6. ЗАХАРОВ, В. Н. *Проблемы исторической поэтики: этнологические аспекты: детям Оле и Коле филологам* / В. Н. Захаров; Петрозаводский гос. ун-т. Москва: Индрик, 2012. 263 с. ISBN 978-5-91674-232-9
7. ИЛЬИН, В. Н. *Арфа Давида: религиозно-философские мотивы русской литературы* / В. Н. Ильин. Санкт-Петербург: Русский Мир, 2009. Т. 1. 549 с. ISBN 978-5-904-99-05-7
8. ИЛЬИН, И. А. *Пророческое призвание Пушкина* / И. А. Ильин // Пушкин в русской философской критике: конец 19 – первая половина 20 века. Москва: Книга, 1990. С. 328-355.
9. ЛОССКАЯ-СЕМОИ, М. В. Несколько замечаний по поводу религиозного призвания русской литературы. *Журнал Русская литература*. 1995, №1, с.27-34. ISSN: 0131-6095
10. ПУШКИН, А. С. *Повести покойного Ивана Петровича Белкина* // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1937-1959. Т. 8, кн. 1. Романы и повести. Путешествия. 1948. С. 59-124.
11. РОЗАНОВ, В. В. *Собрание сочинений. Среди художников* / В. В. Розанов; Под общ. ред., [со вступ. ст.] А. Н. Николоюкина; [Коммент. А. Н. Николоюкина, В. А. Фатеева]. Москва: Республика, 1994. 493 с. ISBN 5-250-02461-0
12. *Слово Святейшего Патриарха Кирилла на пленарном заседании Всероссийского съезда учителей русской словесности 7 ноября 2018 г.* <http://www.patriarchia.ru/db/text/5298536.html> (дата обращения: 01.07.2020).
13. СТРАХОВ, Н. Н. *Литературная критика* / Н. Н. Страхов; [вступ. ст. Н. Н. Скатова, с. 5-43]. Москва: Современник, 1984. 431 с.
14. ХАЛИЗЕВ, В. Е. *Цикл А. С. Пушкина «Повести Белкина»: [Учеб. пособие для вузов]* / В. Е. Хализев, С. В. Шешунова. Москва: Высш. шк., 1989. 79 с. ISBN 5-06-000254-3

О НЕКОТОРЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ В СОВРЕМЕННЫХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯХ СУДЬБЫ ЛЕРМОНТОВА

Юхнова Ирина Сергеевна

доктор филологических наук, доцент,

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского*

CZU: 821.161.1.09

Abstract

Articolul dezvăluie transformările subiectelor operelor literare ale lui Lermontov în ficțiunea modernă. Se arată că autorii își concentrează atenția asupra serviciului militar al lui Lermontov, istoriilor sale de dragoste, dar momentele de creativitate se regăsesc cel mai adesea la periferia narațiunii. Se remarcă ignoranța contextului istoric, ca urmare, Lermontov este înzestrat cu un comportament care nu este caracteristic unui reprezentant al secolului al XIX-lea. O serie de publicații au dezvăluit tendința spre reabilitarea ucigașului poetului. Pentru analiză este implicată și literatura de știință populară, în care se regăsesc aceleași tendințe.

Cuvinte cheie: M.Yu. Lermontov, ficțiune, literatură de știință populară, fapt și ficțiune.

Судьба Лермонтова – одна из излюбленных тем беллетристики, научно-популярной литературы. Считается, что начало процессу беллетризации биографии Лермонтова было положено В.А. Соллогубом – прототипом главного героя повести «Большой свет», по мнению читателя той эпохи, стал Лермонтов, а сама повесть была воспринята как пасквиль на поэта. Известно, между тем, что Лермонтов себя в образе Леонина не опознал, а его взаимоотношения с В.А. Соллогубом почти не претерпели изменений. Так или иначе, в русской прозе сформировался «лермонтовский сюжет», имеющий свои устойчивые элементы и варианты. И если мотивная структура и образный строй в художественной литературе о Лермонтове воспроизводится почти без изменений (всегда присутствует мотив сиротства, одиночества, противостояния с обществом, изгнания, ранней смерти), то варианты сюжета многообразны и обусловлены историческим моментом – существуют героическая, демоническая, психологическая,

мистическая и др. разновидности лермонтовского сюжета, и каждый раз именно эпоха, запросы времени влияли на интерпретацию биографии поэта. Эволюция лермонтовского сюжета, его типы описаны нами в ряде статей [8; 9; 10]. Однако проблема эта далеко не исчерпана. Обозначим некоторые тревожные тенденции, наметившиеся в современных повествованиях о судьбе поэта, которые отчетливо демонстрируют разрушение сформировавшегося на протяжении почти двух веков канона и попытку развенчания того трагического ореола, который присутствовал едва ли не во всех вариантах лермонтовского сюжета.

Во-первых, современные авторы, декларируя, что им интересен Лермонтов как человек, что их цель – показать поэта «без глянца», в результате обытовляют и опошляют его как личность. На первый план они выдвигают любовные увлечения и офицерские кутежи и проказы. В их изображении Лермонтов оказывается не поэтом, ставшим не только голосом своего поколения, но и сформулировавшим важнейшие для русского национального сознания идеи, а нарушителем общественных норм и правил, сердцедом-искусителем. Так строится образ Лермонтова в романе Михаила Казовского «Лермонтов и его женщины: украинка, черкешенка, шведка...». Поэт влюбляется, пьет с дамами «на брудершафт», произносит штампованные мелодраматические фразы; выражая радость, подпрыгивает и выделывает ногами антраша, как опереточный актер; отфыркивается, когда в гостиничном номере моется «в тазике» и т.д. Этот персонаж совершенно далек от той личности, о которой мы читаем в воспоминаниях современников, которая проступает в письмах и произведениях поэта. Это другой психологический тип, другое сознание – не имеющее глубины, не задающее себе мучительных вопросов, не ощущающее внутренней раздвоенности. Что же остается от поэта? Имя на обложке книги, что и привлекает внимание, ведь на подобную книгу с вымышленным персонажем читатель просто не обратил бы внимания. Таким образом, Лермонтов в качестве главного героя – это своего рода маркетинговый ход, позволяющий обеспечить раскупаемость книги как продукта.

Во-вторых, игнорируется исторический контекст: поэт как бы изымается из своей эпохи, его поступки и действия объясняются с точки зрения современных ритуалов, норм общения и этикета. Понятно, что от человека XXI века, если он не погружен в лермонтовскую эпоху, ускользает смысл многих обязательных и естественных для человека XIX века правил и обычаев, а потому в произведениях появляются неточности, некорректные трактовки жизненных обстоятельств и событий, взаимоотношений между людьми и сословиями.

Ярким примером такого изложения биографии Лермонтова являются книги Е. Хаецкой. Ей принадлежат два повествования о поэте: роман «Мишель» (2006) и научно-популярная биография «Лермонтов» (2011). Википедия, ставшая основным источником знаний для современного человека, сообщает об этом романе следующее: писательница создает «...собственную версию биографии и истории гибели М. Ю. Лермонтова, в которой психологический и исторический реализм тесно связан с литературной игрой» [1]. Закономерно возникает вопрос – на основе чего создается эта новая версия? Найдены новые документы в архивах? Вскрылись новые обстоятельства? Отнюдь нет. Основания для новой версии – полет фантазии автора. Собственно это – роман-фантазию, в котором соединились фэнтези, детектив, альтернативная история, и создает Е. Хаецкая. Причем написан он увлекательно, интригующе и талантливо. Что и пугает. Наш читатель привык верить написанному, воспринимать его как «правду», а не

вымысел, особенно если анонсируется «психологический и исторический реализм» как творческая установка. И не исключено, что художественная версия Е. Хаецкой о существовании двух Лермонтовых – Михаила и Юрия, ангела и демона, светлого и темного юношей – западет в сердце и душу какого-нибудь простодушного читателя, будет воспринята как факт.

Но если роман по своей природе основывается на вымысле, то научно-популярная биография по определению должна излагать факты одновременно доступно, научно и объективно-отстраненно. Так, вероятно, и должно было быть организовано повествование в книге «Лермонтов». Именно этот подход и декларируется в аннотации, где сообщается, что автор «с максимальной объективностью показывает личность великого русского поэта с совершенно неожиданной стороны». Но по факту перед нами не биография Лермонтова, а рефлексия человека эпохи постмодерна по поводу всего, что он прочитал у Лермонтова и о Лермонтове; прочитал, а затем подверг прочитанное иронической переоценке. Главное в этой биографии – не Лермонтов, а его просвещенный, скептически настроенный потомок, который как бы с высоты своего интеллекта, опыта и системы ценностей взирает на то, что создал Лермонтов как творец и как жизнестроитель, а также на то, что написали о нем лермонтоведы. Часто такой подход позволяет увидеть нелепости, смысловые парадоксы и алогизмы в известных научных трудах о творчестве Лермонтова. Так, например, мотивированно развенчивается мысль о том, что в романе «Вадим» происходит героизация пугачевцев. Разбирая сцену с веселящимися пугачевцами, Е. Хаецкая комментирует ее следующим образом: «Картина очень «романтическая»: пирующие разбойники похваляются, кто кого подстрелил и при каких обстоятельствах. Старик и его храбрая меньшая дочь, которая заряжала ружья для мужчин, – тут же, захваченные в плен. <...> Непонятно, однако, как советская критика могла видеть в этом эпизоде восхищение пугачевцами и какие-то революционные мотивы. Пьяные казаки хватают старика и, грубо его браня, тащат вешать. <...> «Пьяные безумцы», хохочущие при виде смерти, и «мученик», до последней минуты сохранявший достоинство, – кажется, акценты расставлены с предельной ясностью» [7].

В книге есть много интересных и продуктивных для научного анализа наблюдений и идей. Такова, например, мысль, что драма ««Маскарад» – своего рода диалог со столицей Российской империи. Все, что Лермонтов не мог высказать «в лицо» этому городу и его высшему свету, он высказал в драме» [7]. И этот диалог с городом интересно может быть раскрыт, в том числе и в научно-популярном повествовании.

Уже из процитированных фрагментов видно, что рассказ о Лермонтове усыпан ироническими вопросами и комментариями, многие из которых возникают именно потому, что исключен исторический контекст, не учитываются правила поведения и нормы общения в обществе XIX века, а также особенности бытового поведения людей того времени, которое само по себе становилось поступком. Подробно об этом писали, в частности, Ю.М. Лотман [4], М.А. Гордин [3]. В научно-популярной книге Е. Хаецкой такие поведенческие жесты получают не разъяснение через историко-культурный комментарий, а ироническую оценку. Вот как рассказывается о докторе Майере: «Известен такой эпизод из жизни Майера. Он был дружен с А. Бестужевым (Марлинским) и с С. Палицыным – декабристами, которых отправили на Кавказ рядовыми. Полевой (московский журналист) прислал Бестужеву белую пуховую шляпу, которая тогда «служила признаком карбонара». Донос о таком «важном событии» обратил на себя

особенное внимание губернского жандармского штабс-офицера. При обыске квартиры, которую занимали Майер, Бестужев и Палицын, карбонарская шляпа была обнаружена, и Майер объявил, что она принадлежит ему. За эту дружескую услугу Майера выдержали полгода под арестом. Однако генерал Вельяминов отнесся к этому случаю совершенно равнодушно и сохранил к Майеру прежнее свое расположение.

Вообще история идиотская. Зачем Полевому потребовалось присылать карбонарскую шляпу? К чему вообще все эти обыски, следствие по делу о шляпе, заключение под арест за шляпу? В любом случае история говорит о характере доктора Майера» [7].

Как видим, автор не утруждает себя объяснением, почему намек на шляпу карбонариев спровоцировал целую историю, а реагирует на нее так, как человек цивилизации реагирует на ритуалы и обычаи дикарей: они ему кажутся нелепыми и смешными, так как человеку цивилизации недоступен их сакральный смысл. Так и здесь. Между тем, прокомментированная история со шляпой, политические подтексты которой давно и детально раскрыты [2], актуализировала бы интересный литературный ряд: боливар Онегина – колпак юродивого (в котором все видели намек на колпак якобинца) – шляпа карбонария и т.д.

И подобных иронических замечаний, обесценивающих значимые поступки и жесты людей XIX века, по книге рассыпано множество.

О «кружке 16-ти»: «Что это был за кружок, кто конкретно туда входил и чем, собственно, все эти молодые люди занимались, осталось неразгаданным. Вероятнее всего, ничем серьезным не занимались и состав участников никогда не был постоянным» [7].

О ревности мужа Варвары Лопухиной: «Что ж, у Бахметева были основания сильно нервничать по поводу лермонтовского творчества. Если Лермонтов и не изобразил его в виде какого-нибудь особо черного злодея, то поступил гораздо хуже: он не сказал о нем ни единого доброго слова. Посредственность. Только и всего. Сцена с серьгами: князь Лиговской показывает гостям красивые серьги, купленные им для жены, и предлагает... угадать цену. А потом хвастается, что сторговал чуть дешевле. Ужас, в общем» [7]. И дела нет автору, что роман «Княгиня Лиговская» известен ей, но не был известен самому Бахметеву, так как был не закончен.

По поводу стихотворения «Смерть поэта»: «Вообще «Смерть Поэта» – произведение с технической точки зрения очень неровное, а местами и просто ужасное» [7], и главный ужас состоит в том, что оно совершенно недостоверно, не воссоздает реальных событий: «Где же «отравленные последние мгновенья», где «насмешливые невежды»? Народ толпился у дома на Мойке, ожидая известий; «государь, наследник, великая княгиня Елена Павловна постоянно посылали узнавать о здоровье Пушкина; от государя приезжал Арендт несколько раз в день. У подъезда была давка. В передней какой-то старичок сказал с удивлением: Господи Боже мой! я помню, как умирал фельдмаршал, а этого не было!» (К. Данзас, секундانت Пушкина). Где «жажда мщенья», которую Лермонтов упоминает дважды? Неужто поэт, отходя в вечность, досадовал, что не может отомстить (а кругом коварный шепот клеветников и завистников)? Нет, вовсе не такой была смерть Пушкина. Так умирали персонажи драм Лермонтова – Фернандо, Юрий Волин, Владимир Арбенин... Но не Пушкин» [7]. После такого пассажа остается только недоумевать, почему это стихотворение потрясло современников, разошлось в списках, стало причиной ссылки Лермонтова и С.А. Раевского, стало классическим.

Ну и, конечно, особенно цинично звучит авторское рассуждение по поводу гибели родственника Лермонтова Павла Григорьевича Столыпина, когда трагедия описывается как фарс: «Эта история настолько УЖАСНА, что вызывает какие-то митьковские ассоциации («кто спасет женщину?!»). Падающие в обморок княгини, перепутавшие молодого Столыпина с молодым Лобановым (брык! брык!), какой-то англичанин (откуда взялся? почему непременно англичанин?) фуражка над волнами (о!) – ну и главный шедевр, что это за «10 тыс. рублей золота» в карманах, которые утянули беднягу ко дну? Откуда сведения о такой сумме золотом? Какие-то клондайкские страсти с золотыми самородками...» [7].

Так научно-популярный дискурс приобрел нетипичные для него черты. Автор не ограничивается рассказом о событиях и фактах, а дополняет его своего рода «лирическими отступлениями». Комментарий становится не разъяснением, а формой самопрезентации автора. В итоге перед нами не объективное повествование, как обещает аннотация, а, скорее, тенденциозные рассуждения.

Надо заметить, что сама Е. Хаецкая очень строга по отношению к своим предшественникам – советским лермонтоведам. Основная полемика у нее разворачивается с А. Марченко (книги которой каждый раз вызывают вполне справедливую критику) и с И.Л. Андрониковым, которого она упрекает в том, чем перенасыщено ее собственное повествование, – в отсутствии исторической достоверности. Она пишет: «Если вчитаться в эти страницы андрониковского исследования, то становится вдруг очевидным: друзьям Пушкина, дворянам, аристократам первой половины XIX века, приписаны мотивы и способ поведения диссидентов середины века XX. Но это же совершенно разный склад людей!» [7]. Собственно эти самые слова стоит переадресовать автору.

Однако самой тревожной тенденцией в литературе о Лермонтове становятся попытки обеления убийцы поэта Н.С. Мартынова. В последнее время появляются публикации о его личности и творчестве, в которых пытаются «взглянуть по-новому на дуэль» [5, с.2], которую Б. Ахмадулина очень точно назвала «вечно печальной». Мотивируется это необходимостью разрушения версии о заговоре против гения русской поэзии, бытовавшей в советском литературоведении. Такой попыткой реабилитации Мартынова стала книга А.В. Очмана «В чужом пиру... Михаил Лермонтов и Николай Мартынов» (2005). Вот основные тезисы, которые внедряет в массовое сознание автор:

1. Лермонтов настойчиво «ищет» дружбы Мартынова, так как хочет войти в его семейный круг. В Мартынове его привлекают воспитанность, внутренний мир, незаурядность, творческий склад личности.

2. А.В. Очман подвергает сомнению мемуарные свидетельства, которые привлекаются литературоведами для освещения взаимоотношений Лермонтова и Мартынова. В частности, воспоминания князя Мещерского. Мотивация такая: не мог 15-летний юноша быть приближенным к маститому поэту. А так как князь пишет свои мемуары уже старым человеком, то, по мнению исследователя, в них больше вымысла, чем правды.

Также он обрушивается на П. Висковатова, который в биографии Лермонтова приводит воспоминания современников о «разглагольствованиях Мартынова о блестящей будущности» за обедом в доме Граббе в Ставрополе. Вот комментарий А.В. Очмана: «Есть сомнение в действительности происшедшего по причине отсутствия П.Х. Граббе в данный момент в Ставрополе. Да и можно ли представить Мартынова вхожим в дом такой

значительной персоны, как Граббе, в период чрезвычайно короткого – двух-трехдневного пребывания в Ставрополе, при оформлении нужных документов. Впрочем, и амбициозность молодого офицера, если она имела место, – вещь вполне объяснимая: опыта еще нет, проявить же себя очень хочется, мечты еще не столкнулись с суровой действительностью» [5, с. 37]. Как видим, аргументация не очень убедительная, большей частью лежащая в сфере эмоций и предположений.

3. Главная стратегия «обеления» Мартынова заключается в том, что А.В. Очман находит оправдание его поступкам, поведению, а нередко, как мы видели выше, опровергает воспоминания мемуаристов, если они не вписываются в его концепцию, а потому пытается доказать, что рассказанного просто не было.

Подобным образом «переосмысливаются» нарциссизм Мартынова, его «глупость» (слово мемуаристов), самолюбование, «зацикленность» на себе. Параллельно с этим исподволь ведутся нападки на Лермонтова, даются этические оценки его поступкам – в частности, резко негативно описывается его образ жизни в школе гвардейских подпрапорщиков. Высокая этическая норма исследователем закрепляется за Мартыновым. Мартынов-человек, с его точки зрения, выше Лермонтова-человека.

Но А.В. Очман на этом не останавливается. В его понимании Лермонтов ниже Мартынова не только как человек, но и как писатель. В книге приведены произведения Н.С. Мартынова, которые предлагается прочесть непредубежденно, не как графоманские тексты, а как произведения, идеи, сюжетные повороты и образы которых были восприняты Лермонтовым. Логичным в этом контексте становится вывод о том, что Лермонтов завидует Мартынову в том числе и как небесталанному писателю.

Надо заметить, что А.В. Очман в понимании Мартынова как светлого и чистого человека не оригинален. Достаточно вспомнить роман Б. Садовского «Пшеница и плевелы», который подробно рассмотрен С.Н. Пяткиным [6, с. 18-29]. В нем многое придумано. Лермонтов не бывал в Нижнем Новгороде, а в романе действие происходит в этом городе. К моменту описываемых событий отец Лермонтова уже умер, а в романе он приехал на Нижегородскую ярмарку, проигрался в карты, загулял в трактире. Придуман эпизод с посещением старца в монастыре. Монах прозревает темную сущность Лермонтова, а потому изгоняет его из кельи и предвидит будущее Мартынова как освободителя мира от «плевел» и сострадает ему. Роман тенденциозный, но Б. Садовской и создает не научную, а «мифологическую» биографию, в то время как современный исследователь адресует свою именно научную книгу прежде всего специалистам-филологам и претендует на непредвзятость и объективность.

В заключение отметим, что в настоящее время лермонтовский сюжет все больше вбирает в себя мистических элементов. На первый план выходят те эпизоды биографии Лермонтова, которые связаны с его шотландскими корнями, Томасом Лермонтом как предком поэта. Как и раньше, трансформация сюжета обусловлена духом времени. Конечно, на него повлияли магия цифр (лермонтовские юбилеи в XX веке совпали с двумя страшными войнами, что породило разговоры о «проклятии Лермонтова»), пророческий дар поэта (его предвидение ранней смерти, стихотворение «Предсказание»), а также популярность жанра фэнтези.

Таким образом, очевидно, что лермонтовский сюжет обладает большой жизнеспособностью и демонстрирует тенденцию к развитию. Новое время находит актуальные для него коллизии в биографии Лермонтова. Нередко имя поэта на обложке

используется как маркетинговый ход. На рубеже веков кардинально переосмыслен канон, который сформировался в художественных интерпретациях судьбы Лермонтова в XX веке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. [БЕЗ АВТОРА]. Хаецкая Елена Владимировна. Википедия. http://https://ru.wikipedia.org/wiki/Хаецкая_Елена_Владимировна (обращение 24.07.2020).
2. БРОНШТЕЙН, Н. Доктор Майер. In: *Литературное наследство*. М.: АН СССР, 1948. Т. 45-46, pp. 473-496.
3. ГОРДИН, М. А. *Владислав Озеров*. СПб.: Искусство. Ленинград. отд-ние, 1991. 208 р.
4. ЛОТМАН, Ю. М. Декабрист в повседневной жизни. In: ЛОТМАН Ю. М. *Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века)*. СПб.: Искусство-СПб, 1994, pp. 331-384.
5. ОЧМАН, А. В. *В чужом пиру... Михаил Лермонтов и Николай Мартынов*. М.: Гелиос АРВ, 2005. 208 р. ISBN 5-8543-134-6.
6. ПЯТКИН, С. Н. Роман Б.А. Садовского «Пшеница и плевелы» как мифологическая биография Лермонтова. *Журнал Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки*. 2013, 2 (114), с. 18-29. ISSN 2227-2283.
7. ХАЕЦКАЯ, Е. В. Лермонтов. М.: Вече, 2011. <https://www.litmir.me/br/?b=178202&p> (обращение 24.07.2020).
8. ЮХНОВА, И. С. Лермонтов как литературный персонаж. In: *М.Ю. Лермонтов. Энциклопедический словарь*. М.: Индрик, 2014, pp. 288-290.
9. ЮХНОВА, И. С. Лермонтов как персонаж отечественной литературы второй половины XX века. In: *Лермонтовские чтения-2014: М.Ю. Лермонтов в контексте культуры двух столетий*. СПб.: Лики России, 2015. С. 299-305.
10. ЮХНОВА, И. С. Судьба Лермонтова как сюжет массовой литературы. *Журнал Уральский филологический вестник. Серия: Русская классика: динамика художественных систем*. 2014, 1, с. 174-181. ISSN 2306-7462.

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КАК СПОСОБ ОПТИМИЗАЦИИ ПРИЕМОВ ОБУЧЕНИЯ НЕРОДНОМУ ЯЗЫКУ

*Галушко Елена, доцент,
кафедра русского языка, литературы и журналистики
Ульяновский Государственный Педагогический Университет им. И.Н. Ульянова
Роптанова Людмила, доцент,
кафедра английского языка
Ульяновский Государственный Педагогический Университет им. И.Н. Ульянова*

CZU: 37.016:811.161.1

Abstract

Cunoașterea socioculturală este un factor care influențează studierea limbii ca limbă nonmaternă. Cercetarea lingvistică permite metodologilor să identifice modele de exprimare, compilând vocabularul activ al studenților. Articolul prezintă un studiu al „jucătorilor” tineri și seniori din regiunea Ulyanovsk. Materialul lingvistic (fraze fixe, cuvinte noi, creații ad-hoc, conform modelului derivațional productiv) corespunde limbii ruse autentice și extinde idea de limbă-țintă. Un asemenea sondaj poate deveni baza unei tehnici metodologice de actualitate în studierea unei limbi străine.

Cuvinte-cheie: joc, sociolingvistică, motivație, comunicare, conturarea comunicării, metodologie.

Обучение неродному языку всегда связано с поиском оптимальных методических приемов. Методисты очень внимательны к открытиям, сделанным исследователями в сопряженных науках. Это обусловлено тем, что процесс обучения связан с процессом активного присвоения новых знаний. Дейв Уиллис отмечает: “A lot of learning takes place by exploration... language learners find out for themselves without even being aware that they are doing so.” (*Многое в учении происходит с помощью исследования ... изучающие*